

УДК 327

ФАКТОРЫ ЭРОЗИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЕВРОСОЮЗА¹

© 2024 ЛУНКИН Роман Николаевич

Доктор политических наук, профессор РАН

Заместитель директора Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

E-mail: romanlunkinn@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация. В статье рассмотрены факторы эрозии социальной модели Евросоюза и причины неэффективности социальной политики объединения. Сегодня ЕС стоит на пороге принятия новых решений, связанных с социальными приоритетами. Проведен анализ инициатив Еврокомиссии и новых предложений в социальной сфере с точки зрения устойчивости и развития социальной модели Евросоюза. Исследование основано на концепции социально-экономических моделей в Европе и критического анализа социально-политических подходов к оценке социальных усилий ЕС. Выявлены следующие общеевропейские факторы эрозии социальной модели Евросоюза: атомизация социальной стратегии, мультипликационный эффект различных кризисов, украинский кризис. Уделено внимание приоритетам социальной политики новой Комиссии под руководством У. фон дер Ляйен и их влиянию на формирование общего подхода государств-членов к социальной политике. Отдельно рассмотрены страновые факторы: размывание превалирующих качеств национальных и региональных моделей в результате интеграционных процессов, разрыв между характеристиками моделей и реальным благополучием граждан, транснациональные социальные вызовы. Выделены две основные тенденции в социальной политике Евросоюза и государств-членов: развитие прекарности как характеристики современных форм труда и образа жизни и изменение роли и сущности семьи, что приводит к развитию детской социальной политики. Сделан вывод о несоответствии приоритетов социальной политики Евросоюза с реальными возможностями объединения, что в итоге приведет к разочарованию граждан. Кризисные явления и ориентация на зеленый и цифровой переход приведут к сочетанию призывов к жесткой экономии для раз-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

вития конкурентоспособности с поддержкой наиболее уязвимых групп и сфер, где активно применяются цифровые и зеленые технологии. Поскольку социальная политика во многом определяет образ ЕС как среди граждан государств-членов, так и среди внешних акторов, эрозия социальной модели может привести к тому, что он перестанет восприниматься как пространство, на котором обеспечиваются высокие социальные стандарты и благополучие жителей.

Ключевые слова: Европейская социальная модель, Социальная Европа, социальные модели, Европейская опора социальных прав, социальная политика, Евросоюз, социальное измерение европейской интеграции, социальная справедливость, конкурентоспособность

DOI: 10.31857/S0201708324070155

Социальное измерение являлось одним из ключевых элементов длительного процесса интеграции, который привел к созданию Европейского союза. Принципы социальной справедливости и солидарности учитывались в ходе становления Экономического и валютного союза, Шенгенской зоны, во время волн расширения ЕС в Центральной и Восточной Европе. Социальное измерение присутствовало в отдельных положениях договоров о создании ЕС, главным образом в Лиссабонском договоре, а также в различных обязательствах Евросоюза, например в Хартии социальных прав. Однако, по сути, на наднациональном уровне социальное измерение было благим пожеланием. Реализация социальной политики полностью находится в компетенции государств-членов ЕС. Со временем возникло противоречие между действиями интеграционного объединения, ожиданиями граждан в социальной сфере и отсутствием у ЕС необходимых компетенций и всеобъемлющей программы, касающейся множества аспектов социального благополучия граждан.

Необходимость подтверждать свои обязательства возникла как итог политики жесткой экономии после экономического кризиса 2008 г., долговых кризисов в ряде стран – членов ЕС, общего падения уровня жизни граждан. Дополнительным раздражителем стал иммиграционный кризис, который требовал затрат от принимающих иммигрантов стран. Выплата многочисленных пособий приезжим из других регионов мира если и не была тяжким бременем для бюджетов, то приводила к возмущению части избирателей. Помимо этого, наметилась тенденция централизации при принятии решений на уровне ЕС. Признаком становления новой социальной политики стало принятие Европейской опоры социальных прав (Опора, ЕОСП) в 2017 г. Опора была призвана оживить социальное измерение Евросоюза, сделать его более конкретным, определить стратегические цели, которые могли быть ориентирами для Еврокомиссии (ЕК) и отдельных стран-членов. Реализация ЕОСП почти сразу столкнулась с разногласиями по реформе координации социального страхования и обеспечения на уровне ЕС: бизнес выступил против регулирования национальных систем, а профсоюз и общественные организации – за расширение компетенции ЕС [Биссон, Борко, 2019: 15–16]. С момента принятия Опоры можно говорить о появлении социальной политики Евросоюза, а не просто о социальном измерении с декларациями о социальных правах и соблюдении справедливости.

Социальные стратегия и стандарты стали частью идеологии Евросоюза, обязательства в социальной сфере – европейской ценностью, которая в глазах граждан определяет эффективность интеграции. Социальная политика стала одним из самых значимых элементов устойчивости ЕС как глобального центра силы, который в сознании и иммигрантов, и граждан стран-членов воспринимается как «остров», обеспечивающий соблюдение определенных стандартов и, как следствие, процветание. Однако почти сразу стратегия ЕС в социальной сфере столкнулась с трудностями, которые поставили под угрозу его социальную устойчивость. С помощью методологии, опирающейся на концепцию социально-экономических моделей в Европе, и критического анализа социально-политических подходов к оценке социальных усилий ЕС можно выделить ряд факторов эрозии социальной модели.

Общеевропейские факторы

До принятия Опоры в 2017 г. социальной моделью ЕС именовался комплекс деклараций и обязательств, выраженных в различных документах Европейских сообществ: в Хартии социальных прав трудящихся 1989 г., Хартии об основных правах 2000 г., упоминание о которой внесено в Лиссабонский договор 2009 г. Существовали социальные повестки Еврокомиссии и стратегии, такие как Белая книга «Европейская социальная политика: путь для Союза» 1994 г., стратегия «Европа 2020», многие показатели которой оказались невыполнеными [Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы, 2014: 334, 348]¹. Социальный саммит в Порто 2021 г. конкретизировал обязательства ЕС и стран-членов в рамках реализации ЕОСП до 2030 г.² Модель ЕС является в основном политико-идеологической, а не социально-экономической с четко определенными чертами и приоритетами. Именно так социальная составляющая ЕС воспринимается в научной литературе в отличие от анализа подходов отдельных стран к социальной политике.

Как отмечал Э. Гидденс, идея Социальной Европы – вдохновляющий фактор для построения государства социальных инвестиций. В условиях, когда Европейская социальная модель (ЕСМ) оказалась несостоительной из-за роста безработицы среди молодежи, детской бедности, мер жесткой экономии, контраста между Северной и Южной Европой, исследователь выступает за построение общеевропейской системы благосостояния³, которая включает сочетание профилактических мер, а не просто, например, налаживание системы здравоохранения или обеспечения с

¹ European Pillar of Social Rights Action Plan. URL: https://employment-social-affairs.ec.europa.eu/policies-and-activities/european-pillar-social-rights-building-fairer-and-more-inclusive-european-union/european-pillar-social-rights-action-plan_en (дата обращения: 12.11.2024). (К примеру, к 2020 г. предполагалось достичь 75% занятости, но в результате пандемии удалось довести показатель до 72. В Опоре обозначена цель в 78% к 2030 г.).

² Porto Social Summit: all partners commit to 2030 social targets. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_2301 (дата обращения: 12.11.2024).

³ Giddens, Anthony. “Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?” (2013).

шагами по борьбе с неравенством. В противном случае грандиозные, но нереализуемые обещания Еврокомиссии будут только разочаровывать людей¹.

Нерешенность проблемы создания единого социального пространства также подчеркивалась М.В. Каргаловой. С ее точки зрения, движение в сторону ЕСМ – продукт компромисса профсоюзов и превентивной политики предпринимателей и государств. Уязвимость модели состоит в распределении по трем измерениям: национальном, общеевропейском и глобальном. Классическое определением Европейской социальной модели основано на ценностях: «ЕСМ – это схема развития общества, основанная на принципах уважения человеческого достоинства, социальной солидарности, социальной справедливости и социально ориентированной конкурентоспособной экономики в условиях благоприятной экологической обстановки» [Социальная Европа в XXI веке, 2011]. Способность ЕС защищать граждан придает объединению легитимность, но сохраняются два ограничения: недостаточность компетенции ЕС в сфере регулирования трудовых и социальных отношений и защита странами собственного рынка и особенностей своих моделей [Биссон, 2020: 64–70].

В научной литературе дальнейшую эволюцию ЕСМ связывают с конвергенцией различных национальных систем, с увеличением социальной составляющей гражданства ЕС в том числе и для того, чтобы укреплять демократические институты перед лицом популизма [Careja, Emmenegger, Giger, 2020]. Ослабление модели, произошедшее практически во всех странах ЕС, объясняют пренебрежением социальным диалогом, кризисом в странах Южной Европы (Греции, Испании, Португалии) и в Балтии, отходом Венгрии от принципов ЕСМ, эрозией социальной модели во Франции и трансформацией государства благосостояния в Германии [Vaughan-Whitehead, 2015]. Состояние поликризиса и фактическое отсутствие Социальной Европы в центре внимания политиков (хотя в риторике она присутствует) стали предметом изучения [Hawley, 2023].

Часть экспертов отмечают, что в реализации Опоры присутствует динамизм в трудовом и социальном праве ЕС, но текущие правовые компетенции в социальной сфере ограничены и фрагментированы. Даже в статье 153 Договора о ЕС существует разрыв между областями, в которых Евросоюз может принимать меры минимальной гармонизации национального законодательства (в значительной части трудового права) и в которых он может играть только координирующую и финансовую роли (в отношении некоторых аспектов социальной защиты и включения). Статья 153 также исключает некоторые основные области трудового права, а именно: оплату труда, право на объединение и право на забастовку. Более того, по многим ключевым вопросам трудового права статья 153 требует единогласного согласия, а не квалифицированного большинства в Совете. Тем не менее ЕС нашел способы реализовать часть законодательных предложений, включая вопросы минимальной оплаты труда, где компетенция, казалось, была явно исключена. Пандемия и

¹ Five minutes with Anthony Giddens: “The European social model can and must survive the crisis”. November 4th, 2013. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europblog/2013/11/04/five-minutes-with-anthony-giddens-the-european-social-model-can-and-must-survive-the-crisis/> (дата обращения: 12.11.2024).

украинский кризис подтолкнули Евросоюз к новым непредвиденным ранее действиям, включая финансовую поддержку сокращенного рабочего времени для работающих по найму и самозанятых. В результате брексита объединение покинула страна, выступавшая против трудовых и социальных прав ЕС. По мнению исследователей, именно пересмотр компетенций ЕС приведет к импульсу для адекватного решения основополагающих проблем [Kilpatrick, 2023].

Первым фактором, который размывает само представление о модели, выступает атомизация социальной стратегии ЕС. Она проявляется в обозначении большого множества самых разных целей и приоритетов. Разнообразие задач и целевых показателей неизбежно в силу исторических особенностей формирования социального измерения ЕС, которое включало все, что может способствовать благополучию граждан. Социальные обязательства и стандарты стали своего рода внутренней нормативной силой Евросоюза. Проявлением этой распыленности, но уже не случайной, а идеологически обоснованной, стало переформатирование понимания социальной справедливости. Как отмечает Е.С. Садовая, справедливость стала трактоваться как «исключительные, специфически понимаемые права отдельных (зачастую совершенно искусственно формируемых) "обездоленных" групп населения... Сведение понятия справедливости исключительно к материальному и девиантному открывает дорогу полной атомизации общества, делает его конфликтно разобщенным (поскольку границ для дальнейшего разделения и противопоставления интересов практически не существует) и облегчает манипулирование им. В тесной увязке с ЛГБТ¹-повесткой в контексте справедливости сформировался и "зеленый" сегмент этого дискурса» [Идентичность: личность, общество, политика, 2023: 182–183].

Второй фактор – мультиPLICATIONНЫЙ эффект различных кризисов, затронувших с конца 2010-х гг. как ЕС, так и Европу в целом. Это иммиграционные трудности с постоянной дискуссией о том, кто и как должен принимать приезжих, кто будет за них платить, и игнорирование Еврокомиссией фактора раздражения граждан массовой иммиграцией, которое намеренно маркируется как ксенофобия, якобы инспирируемая популистами. Такое передергивание наглядно проявилось в ходе предвыборной кампании в Европарламент в 2024 г. Таким образом, ЕК вполне готова пожертвовать настроениями коренных жителей ради pragматических целей – увеличения населения, экономически активного и политически не связанного с идентистской повесткой, которую предлагают оппозиционные неолиберальному курсу партии и движения.

Значимым ударом по общеевропейской солидарности стала пандемия коронавируса 2020–2022 гг. (согласно данным ВОЗ, она продолжалась с 2019 до 2023 г.). Закрытие границ; манипулирование с вакцинацией и закупкой вакцин, в чем обвиняют, в частности, Урсулу фон дер Ляйен; нарушения прав человека, обоснованные санкционной политикой; банкротства малого и среднего бизнеса – все это нивелировало социальное измерение ЕС. Безусловно, Еврокомиссия предприняла мас-

¹ Движение, запрещенное на территории РФ.

штабные шаги по оказанию мер поддержки в рамках Фонда восстановления и помощи на рынке труда.

Однако третий фактор в значительной степени обесценил усилия Евросоюза по вливанию средств в предпринимательский сектор и поддержание занятости. Это украинский кризис, который привел к росту цен на энергоносители, продуктовой инфляции, падению уровня доходов домохозяйств. Сложившееся положение обосновывается с идеологической точки зрения, а не с экономической. Среди причин указываются защита европейских ценностей, выраженная в противостоянии России и поддержке Украины, и необходимая для этого милитаризация экономики.

В рамках существующих обстоятельств глава ЕК У. фон дер Ляйен определила новые приоритеты в социальной сфере на 2024–2029 гг. Вместе с тем достижение практически всех целей Опоры ставится в зависимость от магистральных курсов Еврокомиссии – цифровизации и экологизации (Зеленый курс). Как отметила У. фон дер Ляйен на пленарном заседании Европарламента, «появилось много новых проблем – от влияния искусственного интеллекта на психическое здоровье занятых до новых факторов бедности». Глава ЕК особенно выделила необходимость разработки нового плана действий по реализации ЕОСП: «Мы должны обеспечить справедливые изменения и хорошие условия труда для работников и самозанятых. Решающую роль в этом играет социальный диалог – отличительная черта нашей социально-рыночной экономики. Поэтому мы будем работать над расширением коллективных договоров и укреплением европейского социального диалога. Мы будем решать те проблемы, с которыми европейцы сталкиваются в своей повседневной жизни. Возьмём, к примеру, жилье. Европа столкнулась с жилищным кризисом, от которого страдают люди всех возрастов и семьи любого размера. Цены и арендная плата стремительно растут. Люди пытаются найти доступное жилье. Именно поэтому я впервые назначу комиссара, который будет напрямую отвечать за жилищное строительство. Мы разработаем Европейский план доступного жилья, чтобы проанализировать все причины кризиса и помочь привлечь необходимые частные и государственные инвестиции»¹.

В программе У. фон дер Ляйен на новый срок 2024–2029 гг. также отмечены занятость, переобучение и меры по борьбе с детской бедностью (ранее эта тема была одной из основных в заявлении главы ЕК). По-прежнему особое внимание уделено гендерному равенству и сплоченности. Высказывается обеспокоенность демографическими изменениями и необходимостью к ним адаптироваться: «В ближайшие годы Европа столкнется с различными проблемами – от пенсий до государственных услуг, от нехватки рабочей силы до финансовой устойчивости и неравенства между поколениями и регионами. Мы рассмотрим вопросы расширения доступа к рынку труда, особенно женщин и молодежи, сокращения региональных различий,

¹ Statement at the European Parliament Plenary by President Ursula von der Leyen, candidate for a second mandate 2024-2029. 18 July 2024. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/statement-european-parliament-plenary-president-ursula-von-der-leyen-candidate-second-mandate-2024-2024-07-18_en (дата обращения: 12.11.2024).

чтобы люди могли не покидать свои родные места, и поддержки молодых родителей в обеспечении здорового баланса между работой и личной жизнью»¹.

Более детально приоритеты новой Еврокомиссии можно увидеть в докладе о конкурентоспособности ЕС, подготовленным бывшим председателем Европейского центрального банка и бывшим премьер-министром Италии Марио Драги. Он отметил, что Евросоюзу предстоит стать амбициозным и высокотехнологичным, как США. В докладе подчеркнуто, что ЕС не сможет стать одновременно лидером в новых технологиях, маяком климатической ответственности и независимым игроком на мировой арене: «Мы не сможем финансировать нашу социальную модель. Нам придется сократить некоторые, если не все, наши амбиции. Это экзистенциальный вызов». Наряду с этим М. Драги указал на то, что если ЕС, не сможет отстаивать такие основные права и ценности, как процветание, равенство, свобода, мир и демократия, то он рискует потерять смысл существования. М. Драги напрямую связывает развитие и применение технологий, включая искусственный интеллект, с социальной включенностью, а социальный диалог, возможности обучения и переобучения, условия работы для молодежи – с будущим благополучием².

Выбор приоритетных индикаторов в социальной политике ЕС связан с улучшением показателей в значимых сферах социального развития в последнее десятилетие. К ним относятся количество людей, которые находятся на грани бедности и социального отторжения, а также молодые люди вне образования и вне работы, работающие бедные. Эти категории регулярно пополняют приезжающие в Евросоюз иммигранты, в т. ч. беженцы из разных регионов мира, Ближнего Востока, Африки, Украины. Будущее социальной политики ЕС связано прежде всего со стимулированием высококвалифицированной занятости, переобучением безработных и нерегулярно и нестабильно работающих (прекариата), регулированием такой новой сферы, как платформенная занятость, с постепенным введением минимальной оплаты труда и минимального среднего дохода в ЕС [Европа в глобальной пересборке, 2023: 172–206]. При этом цифровизация меняет рынок труда, а зеленые технологии ложатся бременем издержек на рядовых европейцев.

Страновые факторы

Участие стран-членов в реализации социальных приоритетов Евросоюза осуществляется в основном на национальном уровне. Особенности вклада государств определяются в том числе чертами их социально-экономических моделей. Г. Эспинг-Андерсен в зависимости от степени государственного вмешательства в регулирование социальной сферы, стратификации и соотношения между рыночным и

¹ EUROPE'S CHOICE. POLITICAL GUIDELINES FOR THE NEXT EUROPEAN COMMISSION 2024–2029. Ursula von der Leyen Candidate for the European Commission President. URL: https://commission.europa.eu/document/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en (дата обращения: 12.11.2024).

² The future of European competitiveness – A competitiveness strategy for Europe. 9 SEPTEMBER 2024. URL: https://commission.europa.eu/topics/strengthening-european-competitiveness/eu-competitiveness-looking-ahead_en (дата обращения: 12.11.2024).

государственным распределением благ (декоммодификацией) выделил либеральный, консервативный и социал-демократический типы государства благосостояния [Esping-Andersen, 1990]. На этой основе были определены четыре европейские модели: скандинавская, англосаксонская, континентальная и средиземноморская (южноевропейская).

Страны Северной Европы (Финляндия, Норвегия, Швеция, Дания и Нидерланды) отличаются ролью государственного сектора в социальном обеспечении и высоким уровнем перераспределения доходов. В англосаксонской модели (Британия, Ирландия) социальные выплаты зависят от занятости. Государство обеспечивает систему бесплатного здравоохранения, но большую роль в распределении ресурсов играет рынок. Для континентального типа свойственны принцип профессиональной солидарности, система социального обеспечения, основанная на успехах на рынке труда, акцент на социальном партнерстве. Средиземноморская модель опирается на семью и институты гражданского общества в социальном обеспечении. Уровень социальной защищенности низкий, а режимы социального страхования очень разнородны [Sapir, 2002: 369–390]. В качестве пятой модели выделяют смешанный тип, к которому относят страны Центральной и Восточной Европы.

А. Сапир, анализируя европейские модели, отмечал сомнительность опоры на ЕСМ в связи со слишком большими различиями национальных систем. Он подчеркивал, что конкурентоспособность ЕС можно поддерживать только с помощью реформ существующих моделей: на наднациональном уровне ЕС должны использовать черты самых эффективных типов – скандинавского (высокий уровень социальной защиты) и англосаксонского (связь универсальной социальной помощи с поиском работы) [Sapir, 2005].

Основным кризисным фактором выступает размывание превалирующих качеств самих моделей при сохранении общих особенностей, которые обусловлены историческими и культурными характеристиками отдельных стран. Формирование общих политик, компетенций, приоритетов в рамках ЕС объективно сближало разных членов интеграционного объединения. Евросоюз также старательно вводил элементы, которыми ранее отличались разные модели. Сегодня Еврокомиссия делает акцент на социальном диалоге, продвигает идею минимальной заработной платы, перераспределения доходов в пользу социально уязвимых групп населения, тогда как ранее все эти вопросы находились исключительно в компетенции национальных государств. В 2022 г. принята директива об адекватной минимальной заработной плате, которая устанавливает параметры расчета минимальной оплаты труда исходя из национальных показателей стран-членов. Страны ЕС должны оценить, достаточен ли установленный национальным законом минимальный размер оплаты труда для обеспечения достойного уровня жизни [Европа в кризисном мире, 2022: 211].

Одной из основных целей ЕК стало встраивание различных социально ориентированных организаций и коммерческих предприятий в политику в контексте развития социальной экономики и ее субъектов [Говорова, 2024: 140–150]. В Евросоюзе 2,8 млн такого рода субъектов (10% от общего числа предприятий), где трудоустроено более 13,5 млн человек (около 6,2% занятых). В 2021 г. принят План действий по социальной экономики до 2030 г., направленный на поддержку субъектов

социальной экономики, особенно тех, кто помогает социально уязвимым группам и активно работает на рынке труда¹. Именно значительная роль негосударственных акторов в поддержке социально незащищенных слоев населения при минимальном уровне пособий была основной чертой южноевропейской модели.

Различия стран сглаживает общее участие в программах фондов ЕС по поддержке занятости, профессионального переобучения, борьбе с бедностью, поскольку условием получения средств выступает софинансирование. Европейский социальный фонд «плюс» с 2021 г. объединяет Европейский социальный фонд (*European Social Fund, ESF*), Инициативу по трудуоустройству молодежи (*Youth Employment Initiative, YEU*), Фонд европейской помощи наиболее обездоленным (*Fund for European Aid to the Most Deprived, FEAD*), Программу ЕС по занятости и социальным инновациям, Программу ЕС по здравоохранению. Финансируемое политики стран-членов основано на концепции социального инвестирования в таких областях, как уход за детьми, здравоохранение, помочь в поиске работы и реинтеграция на рынке труда. Пакет социальных инвестиций (*Social Investment Package, SIP*) Еврокомиссии связан с эффективным использованием социальных бюджетов на страновом уровне. В 2020–2022 гг. инструмент по борьбе с безработицей в условиях кризиса (*Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency, SURE*) предоставил странам-членам почти 100 млрд евро в виде займов на льготных условиях для субсидирования занятых и сохранения занятости². В 2021 г. посредством Рекомендации по эффективной активной поддержке занятости после кризиса, вызванного COVID-19 (*Recommendation on Effective Active Support to Employment following the COVID-19 crisis, EASE*), Еврокомиссия начала стимулировать страны-члены разрабатывать пакеты мер для поддержки активной занятости, созданию рабочих мест в цифровом и зеленом секторах. С помощью этого инструмента государства могут использовать средства ЕС из Фонда будущих поколений и Фонда восстановления и устойчивости³.

Такая политика стала следствием необходимости изменить ситуацию в условиях украинского кризиса после периода жесткой экономии и пандемии коронавируса. Предпринимаемые меры указывают на движение в общем направлении и запрос на более четко выраженную европейскую социальную политику. Ее отсутствие подрывает доверие к ЕС и конкурентоспособность объединения [Европа в кризисном мире, 2022: 216].

Успехи в социальной сфере сложно соотнести с социально-экономическими моделями отдельных стран. По экономическим показателям и высокому уровню жизни выделяются страны Западной и Северной Европы и страны периферии,

¹ Social Economy Action Plan. URL: https://social-economy-gateway.ec.europa.eu/eu-initiatives/seap_en (дата обращения: 12.11.2024).

² The European instrument for temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency (SURE). URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/eu-financial-assistance/sure_en (дата обращения: 12.11.2024).

³ Effective Active Support to Employment following the COVID-19 crisis (EASE). URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/es/qanda_21_971 (дата обращения: 12.11.2024).

прежде всего беднейшие страны Южной Европы и страны Центральной и Восточной Европы. Уже во время пандемии разрыв между странами Севера и Юга Европы стал стремительно расти¹. Во многом это показывает, что анализ социальных моделей в Европе сегодня не отражает напрямую реальное благополучие жителей.

Помимо этого, существуют транснациональные социальные вызовы, которые не только размывают сложившиеся социально-экономические модели, но и меняют восприятие социальной реальности. Потенциально таких угроз и вызовов может быть достаточно много. К ним относятся влияние цифровизации, воздействие искусственного интеллекта на человека и общество, тренды в контексте нового витка глобализации (например, деиндустриализация Европы).

На текущем этапе в рамках социальной политики можно выделить две тенденции. Первая касается присутствия прекариата и платформенных занятых как неотъемлемых частей общества и экономики. Для этих категорий не действуют прежние принципы социального диалога, трудовых договоров, им не нужны формы профсоюзных движений, характерные для индустриального общества. Прекариат не стал «новым рабочим классом», как ему предрекали такие исследователи, как Г. Стэндинг [Стэндинг, 2014]. Прекарность, скорее, стала естественным образом жизни современного занятого. Трудящимся в широком смысле слова стали занятые, слабозащищенные и менее всего востребованные в рамках цифровой экономики, и служащие, труд которых может достаточно спекулятивно оцениваться в зависимости от развития и применения новых технологий.

Вторая тенденция состоит в изменении роли и содержания семьи по модели стран Северной Европы. Происходит постепенный переход, по крайней мере, в представлении тех, кто реализует социальную политику, от нуклеарной к постнуклеарной семье. Государство берет на себя основные функции семьи для того, чтобы освободить родителей, дедушек и бабушек для активной экономической деятельности. Создатель типологии государств благосостояния Г. Эспинг-Андерсен именно эту тему считает одной из наиболее важных для современной социальной сферы. Он выделили три выгоды детской политики: увеличение человеческого капитала на рынке труда и уменьшение неравенства в обучении, совмещение материнства и карьеры, отдача от инвестиций в раннее детство в виде увеличения налоговых [Esping-Andersen, 2024: 423–431]. Детская политика повышает доход домохозяйств, так как оба родителя полноценно заняты, позволяет повысить занятость среди стареющего населения. Дети, обучаемые централизованно при помощи государства, в будущем становятся более конкурентоспособными на рынке труда.

Выходы

Социальные обязательства и связанные с ними стандарты и ценности ЕС определяют восприятие Евросоюза на национальном уровне и внешними акторами. Во многом социальное измерение интеграции является частью идеи стратеги-

¹ Цибулина А. Экономика Евросоюза: новое испытание на прочность. 02.06.2020. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/Analytics/ekonomika-evrosoyuza-novoe-ispytanie-na-prochnost/> (дата обращения: 12.11.2024).

ческой автономии Евросоюза, самодостаточности и эффективности. Между тем вынужденный или сознательный отход от принципов автономии в сферах безопасности экономики, внешней политики не мог не отразиться на социальном пространстве.

Евросоюз чрезвычайно чувствителен к воздействию внешних кризисов, которые отражаются на внутреннем развитии. Они порождают противоречия и споры государств-членов, углубляют перекосы в социально-экономических показателях. Неизменное желание продвигать социальное измерение ЕС породило Европейскую опору социальных прав и последовавшие за ней декларации и программы Еврокомиссии. Однако широта и масштабность целей не соответствуют возможностям объединения в условиях внешних шоков, вызванных пандемией, энергетическим кризисом, милитаризацией. Естественная эволюция Опоры, в рамках которой были бы более четко выработаны приоритеты и эффективная стратегия их достижения, оказалась прерванной. Некоторые главные цели Еврокомиссии обозначены в канун нового срока У. фон дер Ляйен в 2024 г. Однако они были заявлены в разгар кризиса, когда появилась необходимость кардинально перестраивать социальные цели ЕС и стран-членов в соответствии с цифровым и зеленым переходами. Зеленый курс в риторике Еврокомиссии приобрел социальное измерение как экономическое благо от внедрения новых технологий и залог экологически чистого будущего грядущих поколений. В сочетании с украинской темой, тесно связанной и с социальной защитой, и с рынком труда для приезжих, экология стала частью идеологии социального измерения ЕС.

Состояние социальной политики Евросоюза свидетельствует о достаточно опасном для устойчивости объединения положении. Европейская социальная модель находится в состоянии постоянного формирования, но ее превращению в мощный центр силы и источник социальных технологий мешают внешние кризисы. При этом социально-экономические модели разных стран и регионов Европы продолжают действовать, но в рамках ЕС естественным образом проходит процесс конвергенции и размывания как за счет интеграционных процессов, так и приспособления к требованиям постиндустриальной экономики. Накопленный Евросоюзом инструментарий вполне может стать основанием для нового рывка. Основной тенденцией в социальной политике выступает стремление создать условия для получения базового дохода для части населения и обеспечить привилегиями тех, кто соответствует новой экономике и применяет новые цифровые и зеленые технологии. Именно с этим связано внимание к занятости, так как в идеальном варианте большинство населения должно получать какой-либо доход. Перераспределение средств также будет компенсировано избирательным характером определения того, кто принадлежит к социально уязвимым группам, но социальное неравенство будет только расти.

Евросоюз стоит на пороге принятия новых решений, связанных с социальными приоритетами. Призывы к жесткой экономии в условиях кризиса будут сочетаться с выстраиванием социальной сферы и поддержкой тех областей, где активно применяется искусственный интеллект и зеленые технологии. Для восприятия ЕС как глобального центра это может означать постепенную потерю образа «острова процветания», куда часто стремятся жители других стран и регионов мира. Вместо это-

го ЕС рискует превратиться в отдельные высокотехнологичные «острова благоденствия». В условиях демографического кризиса это может негативно отразиться и на притоке иммигрантов, и на численности экономически активного населения в целом. Такие тенденции уже накладывают определенные ограничения на стремление ЕС к стратегической автономии, если эта идея возродится. Выход из ситуации мультиPLICATIONИ кризисов Еврокомиссия видит в том, чтобы соответствовать западным трендам, а именно проамериканской политике и развитию цифровой и зеленой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биссон Л.С., Борко Ю.А. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы». *Современная Европа*. № 6. С. 15–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>
- Биссон, Л.С. (2020) Европейская социальная модель: содержание и ограничения. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1(13). С. 64–70. DOI 10.15211/vestnikieran120206470. EDN PFUFUC.
- Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. (2014) Под ред.: Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова. Издательство «Весь Мир», Москва. С. 334, 348.
- Говорова Н.В. (2024) Социальная экономика ЕС: путь к преодолению неравенства? *Современная Европа*. № 4. С. 140–150. DOI: 10.31857/S0201708324040119
- Европа в глобальной пересборке (2023) [монография]. Институт Европы РАН. Отв. ред. Ал.А. Громыко. Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН, Москва. С. 172–206.
- Европа в кризисном мире (2022) [Коллективная монография]. [Ал.А. Громыко и др.; отв. ред. Ал.А. Громыко]. ИЕ РАН, Издательство «Весь Мир», Москва. С. 211.
- Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля (2023) Отв. ред. И.С. Семененко. Весь мир, Москва. С. 182–183.
- Социальная Европа в XXI веке. (2011) Под ред. М.В. Каргаловой. Издательство «Весь Мир», Москва. 184 с.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. Ад Маргинем Пресс, Москва.
- Careja, Romana & Emmenegger, Patrick & Giger, Nathalie. (2020) *The European Social Model under Pressure Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon: Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon*. 10.1007/978-3-658-27043-8.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen, Gosta. (2024) Commentary: *Children, the gender revolution, and social mobility*. In book: Research Handbook on Intergenerational Inequality. P. 423–431. DOI: 10.4337/9781800888265.00041.
- Hawley, Adrian. (2023) Reviving Social Europe: a critical assessment of EU social policy in the wake of multiple crises. *European Journal of Government and Economics*. No. 12. P. 105–118. 10.17979/ejge.2023.12.2.9541.
- Kilpatrick, Claire. (2023) *The Roaring 20s for Social Europe. The European Pillar of Social Rights and burgeoning EU Legislation, forthcoming Transfer*: European Review of Labour and Research 29(2) 2023. Transfer. 29.
- Sapir A. (2002) Globalisation and the reform of European Social Models. *Journal of Common Market Studies*, No. 44(2). P. 369–390.
- Sapir A. (2005) *Globalization and the Reform of European Social Models*. Published 1 November 2005. PSN: Other International Political Economy: Globalization (Topic). DOI:10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x

Vaughan-Whitehead, D. (2015) *The European Social Model in Crisis: Is Europe Losing Its Soul?* DOI: 10.4337/9781783476565.

Factors of the EU Social Model's Erosion¹

R.N. Lunkin

Doctor of Sciences (Politics), Professor RAS

Deputy Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

E-mail: romanlunkinn@yandex.ru

Abstract. This article explores the factors contributing to the erosion of the EU social model and the underlying causes of the inefficacy of the Union's social policy. As the EU has to redefine its social priorities, the study analyses recent European Commission initiatives and proposals through the lens of sustainability and the evolution of the EU social model. The research is rooted in the concept of socio-economic models in Europe and employs a critical analysis of socio-political approaches to evaluate the Union's social efforts. Key supranational factors driving the erosion of the EU social model are identified, including the atomisation of the EU's social strategy, the compounded impact of successive crises, and the implications of the Ukrainian crisis. Special attention is given to the priorities of the current European Commission, led by Ursula von der Leyen, and their influence on fostering a unified social policy approach among member states. The analysis also considers national factors, such as the diminishing effectiveness of national and regional social models due to integration pressures and adaptation to the post-industrial economy. Additionally, discrepancies between the attributes of these models and actual citizen well-being, as well as transnational social challenges, are highlighted. Two overarching trends in the social policies of the EU and its member states are examined: the increasing precarity of modern work and lifestyles, and the evolving role and significance of the family, which has driven the expansion of child-centered social policies. The article concludes that a misalignment between the EU's social policy priorities and the practical possibilities of unification fosters citizen dissatisfaction. Furthermore, the interplay between crisis dynamics and the emphasis on green and digital transitions will likely result in a dual approach: promoting austerity to sustain economic competitiveness while supporting the most vulnerable groups and sectors linked to green and digital technologies. Given that social policy is a cornerstone of the EU's image among its citizens and external stakeholders, the erosion of the European social model risks undermining the Union's reputation as a guarantor of high social standards and resident well-being.

Keywords: European Social Model, Social Europe, social models, European Pillar of Social Rights, social policy, European Union, social dimension of European integration, social justice, competitiveness

DOI: 10.31857/S0201708324070155

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

REFERENCES

- Bisson L.S., Borko Yu.A. (2019) Evropejskaya integraciya: perezapusk idei «Social'noj Evropy» [European integration: restarting the idea of a "Social Europe"]. *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 15–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517> (In Russian).
- Bisson L.S. (2020) Evropejskaya social'naya model': soderzhanie i ograniceniya [The European Social Model: content and limitations]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 1(13), pp. 64–70. DOI 10.15211/vestnikieran120206470. EDN PFUFUC. (In Russian).
- Bol'shaya Evropa. Idei, real'nost', perspektivy* [Greater Europe. Ideas, reality, prospects]. (2014) Ed.: Al.A. Gromyko i V.P. Fyodorov. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia, pp. 334, 348. (In Russian).
- Govorova N.V. (2024) Social'naya ekonomika ES: put' k preodoleniyu neravenstva? [The EU Social economy: the way to overcome inequality?]. *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 140–150. DOI: 10.31857/S0201708324040119 (In Russian).
- Evropa v global'noj peresborke* [Europe in global reassembly]. (2023) [monografiya]. Institut Evropy RAN. Ed. Al.A. Gromyko. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Institut Evropy RAN, Moscow, Russia, pp. 172–206. (In Russian).
- Evropa v krizisnom mire* [Europe in a crisis world]. (2022) [Kollektivnaya monografiya]. [Al.A. Gromyko i dr.; Ed. Al.A. Gromyko]. IE RAN, Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia, p. 211. (In Russian).
- Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field]. (2023) Otv. red. I.S. Semenenko. Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 182–183. (In Russian).
- Social'naya Evropa v XXI veke* [Social Europe in the 21st century]. (2011) Ed. M.V. Kargalovoj. Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia. (In Russian).
- Stending G. (2014) *Precariat: novyy opasnyj klass* [Precariat: a new dangerous class]. Ad Marginem Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Careja, Romana & Emmenegger, Patrick & Giger, Nathalie. (2020) *The European Social Model under Pressure Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon*: Liber Amicorum in Honour of Klaus Armingeon. 10.1007/978-3-658-27043-8.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Esping-Andersen, Gosta. (2024) *Commentary: Children, the gender revolution, and social mobility*. In book: Research Handbook on Intergenerational Inequality, pp. 423–431. DOI: 10.4337/9781800888265.00041.
- Hawley, Adrian. (2023) Reviving Social Europe: a critical assessment of EU social policy in the wake of multiple crises. *European Journal of Government and Economics*, 12, 105–118. 10.17979/ejge.2023.12.2.9541.
- Kilpatrick, Claire. (2023) *The Roaring 20s for Social Europe. The European Pillar of Social Rights and burgeoning EU Legislation, forthcoming Transfer*: European Review of Labour and Research 29(2) 2023. Transfer. 29.
- Sapir A. (2002) Globalisation and the reform of European Social Models. *Journal of Common Market Studies*, 44(2), pp. 369–390.
- Sapir A. (2005) *Globalization and the Reform of European Social Models*. Published 1 November 2005. PSN: Other International Political Economy: Globalization (Topic). DOI:10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x
- Vaughan-Whitehead, D. (2015) *The European Social Model in Crisis: Is Europe Losing Its Soul?* DOI: 10.4337/9781783476565.